

Мастера
современной
русской
прозы

Григорий Марк

Двое и одна

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии и дизайн переплета:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете — Н. Ларин

Марк, Григорий.

М26 Двое и одна : [роман] / Григорий Марк. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Мастера современной российской прозы).

ISBN 978-5-699-92080-8

Почему из миллиона мужиков, живущих в Майами, моя жена безошибочно выбрала именно его, хозяина моего прошлого, этого русско-американского двоякодышащего Альбиноса? Более страшного предательства невозможно представить!.. Когда-то в ленинградском КГБ он изматывал меня своей игрой: с одной стороны, делал вид, что за долгие месяцы разговоров мы с ним едва ли не сроднились, с другой — использовал традиционные методы угроз и запугиваний... А может, он уже давно завязал с ГБ? Нет, с такой службой завязать нельзя. Неужели же я никогда от него не избавлюсь? Ни наяву, ни во сне... Эти его слова: «Мы вас и в Америке найдем»... сбылись. В нынешней трети моей жизни он занял место еще более важное, еще более злое, чем в двух остальных третях...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92080-8

© Марк Г., 2017
© Ларин Н., иллюстрация на переплете, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Пиджак капитана Дадоева распластался над полированным столом. Золотом по синей эмали мерцает университетский ромбик. В отделанном дубом кабинете приглушенный свет. Капитан старательно записывает мои показания. Размытым латинским V набухли вены на выпуклом лбу. В глазных скважинах плещется густая белесая жидкость, которая ближе к переносице сгущается и становится бледно-зеленой. А под ней — где-то на самом дне — блестящие, неподвижные зрачки. Я думаю, эта жидкость с шевелящимися в ней невидимыми колбочками и палочками работает как своего рода проявитель, когда он изучает негативы секретных документов. Во время допроса капитан никогда не моргает. Это могло бы сделать его человечнее. Безбровое лицо альбиноса с розоватой лоснящейся кожей — волосы на таком не растут — и прилипшей к губе сигаретой. Раздувшаяся белая шея, на которой еле заметен маленький круглый подбородок. Через пару лет он сбежит — или его сбегут? — за границу. Это теперь он только капитан, но, я уверен, в предыдущих жизнях чины его в войсках НКВД были гораздо выше.

Допрос начался в девять утра. А сейчас десять вечера, если верить настенным часам. Хотя верить тут ничему

Григорий Марк

нельзя... Конечно, можно просто опустить веки, и капитан расплывется в бесформенное пятно. Но злить его опасно — еще решит, что я притворяюсь спящим... Повезло, хоть на обед отпустили... С утра допрашивал другой капитан. Тоже с ромбиком. Все они тут, словно белые хищные рыбы с ромбиками на чешуе, обитающие в подземных озерах и никогда не видящие солнца. И пахнут они одинаково. Униформа запахов. Приторно, удушливо. Будто одним и тем же одеколоном мазаны.

С Дадоевым две недели подряд «разговариваю» — каждый день, кроме выходных. Дело, по которому взяли трех моих близких друзей, тогда еще только начиналось, и в любую минуту из свидетеля я мог оказаться обвиняемым. Отвечаю очень медленно, невнятно, занудливо, без всякого выражения. Так ему быстрее надоест. Да и свои душевные силы беречь надо. «Я вот м-мм забыл... Не, ничего не помню...» У стен есть уши. Особенно у этих стен... Вообще-то я довольно редко лгу. Стараюсь не делать этого без крайней необходимости. Но сейчас нет выхода... Дадоев у меня — ведущий. И конвейер моих допросов в конце каждого дня выключает он. Остальные меняются. А он ведет. И его кто-то ведет. Контора работает, распорядок зла расписан до мелочей.

В одном я уверен: то, что происходит здесь со мной, происходит совсем не случайно. И с другими тоже... — *пытаюсь найти слова, которые могут подняться вверх...* — Все важное совершается для какой-то еще неясной цели. Ради нее я здесь. На самом деле лишь это и предохраняет от того, чтобы сразу положить конец. Предохраняет от самоубийства... Слишком много судьбы... Ведь не случайно же я родился евреем в Советском Союзе, не случайно столько лет пытаюсь отсюда уехать и меня не выпускают. Нет, таких со-

впадений не бывает. Кто-то ведет меня и моего ведущего, и тех, кто ведет моего ведущего. Все мы ведомые. Ни один свет полностью не погаснет...

Слоистый дым клубится вокруг настольной лампы. Дремет бронзовый Железный Феликс на постаменте в углу. Окна занавешены пыльными, всегда задернутыми шторами цвета сияющих зорь коммунизма, — *солнце сюда не доходит* — косой просвет между ними, словно узкая щель из малой зоны в большую. Шум города, звонки трамваев на Литейном сюда не проникают. Белая ночь притаилась за серыми бетонными стенами. Тишина, будто нас лишь двое в мертвом Большом Доме, двое, плотно обернутых синим никотиновым облаком. За эту неделю память об этой комнате с пишущим капитаном стала единственным, что еще соединяет глубокие ямы между допросами, куда проваливаюсь, как только прихожу домой и ложусь на кровать. Ямы, на поверхности которых колышутся мои темные, тяжелые сны. Даже не сны, а длинные сонные обмороки. И с каждым утром все труднее вытаскивать себя из них.

А здесь, по эту сторону снов, где за спиной у Альбинос-Капитана тускло поблескивает стальной шкаф с выдвигаемыми ящиками. Архивы вечной памяти. В одном из них будет лежать пропитанная удушливым запахом желтая папка с моей судьбой, аккуратно завязанная белыми тесемками. Потом он добавит в нее протокол сегодняшнего допроса. Вместе с другими папками, где хранятся миллионы слов, пропитанных липким студенистым страхом и терпеливо ждущих своего часа... Я должен буду подписывать каждый лист, где первая строчка «когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с...». Друзей у меня тогда было много. И говорили мы с друзьями ночи напролет.

Григорий Марк

Нужно выиграть время перед тем, как в сотый раз повторить: «не помню», и я начинаю с незрячими глазами протирать очки. Стена из моих невнятных «не помню» все еще кажется мне достаточно прочной.

Небрежным, исключаящим неповиновение голосом, капитан торопит:

— Давайте, давайте! Меня жена ждет! Ведь вы же именно так и сказали! Ну какая разница! Не буду же из-за одной фразы целую страницу переписывать!

Ему-то без разницы. А я так и срок себе намотать могу... Каждое слово прижимаю ненадолго к небу, чтобы не вырвалось раньше времени, чтобы звучало как можно точнее и как можно бесцветнее.

— Еще раз напоминаю: вы предупреждены, что отказ от дачи показаний или дача ложных показаний карается лишением свободы на срок до двух лет... Вы пока еще только свидетель, но ваши близкие друзья уже арестованы и обвиняются по статье 70 УК СССР «Антисоветская Агитация и Пропаганда» и по статье 190 прим «Распространение Заведомо Ложных Измышлений, Порочащих Советский Строй». Очень серьезные обвинения. По 70-й срок лишения свободы до семи лет. И ваш отказ помочь следствию приведет к тому, что вы окажетесь среди обвиняемых.

Душа моя ищет способ хоть на время ускользнуть отсюда. Я закрываю глаза и сразу оказываюсь в комнате у Любы. Здесь всего одна сторона света с огромным мутным окном посередине. Три остальные стороны, стороны тени, плотно увешаны картинами. Подарки друзей. Ключья ярких разноцветных мазков в черных рамах... Мы лежим, тесно прижавшись друг к другу на узком диване. Сережка у нее в левом ухе слегка царапает мне плечо... И нет в моей жизни ни желтой папки, ни альбиноса, ни его дубового кабинета,

ни Большого Дома... Ничего, кроме этой комнаты и нас двоих... И дыхания у меня на щеке. Я смотрю в потолок, затягиваюсь. Блаженная «сигарета после». Продлить еще на пару минут. Сейчас мы встанем и отправимся бродить по городу...

Свет идет от двух ламп на столе у Альбинос-Капитана, направленных мне в лицо. Двух сияющих белым огнем, круглых глаз невидимого Закона. Заложив руки за голову, капитан качается у себя в кресле. Допрос с пристрастием. Веки мои невольно сжимаются. Ослепшая цель поймана в скрещенье прожекторов. Желтые, синие головастики, покачиваясь, медленно плывут перед глазами.

— Вы же понимаете, гражданин Маркман, — или вы хотите чтобы я называл вас господином? Так будет точнее? — наша беседа на пленку тоже записывается... Даа... Что-то с памятью у вас явно не в порядке. — Три-четыре затяжки тянется выверенное, неумолимо сжимающееся молчание. Сигареты здесь длятся долго. Он сосредоточенно смотрит в стену поверх меня, словно всматривается в циферблат невидимого спецприбора, измеряющего извилистую правдивость моих показаний. Затем, опять убедившись в своих предположениях, разочарованно вздыхает. — Вы что думаете, двести пятьдесят миллионов советских людей ошибаются, а только вы и несколько ваших друзей правы?.. — Вопрос, разумеется, ответа не предполагает.

Тот же вопрос задал мне, когда я еще учился в десятом классе, наш учитель литературы, как-то случайно услышав мой разговор с друзьями во время перемены. Но в голове его было больше благожелательного любопытства чем осуждения... А этот...

И тут он заходит с козырного туза:

Григорий Марк

— Ну что ж, придется вызвать психиатра на следующую нашу встречу. Неумение приспособиться к окружающей среде обычно признак душевной болезни. Чаще всего вялотекущая шизофрения. Как видно, вы в лечении нуждаетесь. У нас есть опыт... гало-пери-дол очень эффективное, хорошо проверенное средство...

Зловещее название лекарства он произнес по слогам и аккуратно подчеркнул интонацией. Без этой ритуальной фразы здесь не проходит ни один «разговор». Обязательный номер программы. Может быть началом жертвоприношения. Но может и не быть. Его размытая тень надвигается по полированному столу. Рассказы о нейрорептиках всплывают у меня в голове. Дурдом — самое страшное, и он это хорошо знает. Клятвы Гиппократы их врачи не дают. Вместо лечения просто подводят к самому краю зияющего обрыва. Ты уже смотришь вниз и, замирая от ужаса, ждешь толчка в спину. Но в последний момент могут и отпустить. Нельзя все время думать только об этом.

Почему я должен здесь снова мучиться? Мне тоже хотелось бы бродить по городу белыми ночами, обнявшись с Любой, и шептать ей на ухо веселые бесстыдные глупости, или слушать под утро чьи-то стихи на прокуренной насквозь маленькой кухне, или... А я сижу здесь, у него... Стоит ли тратить лучшую часть жизни на все это?

— Вы вот жалобу в ООН, в комитет по правам человека написали. Жалуетесь, что права ваши мы нарушаем, не даем вам уехать из страны. Придется с этим тоже разбираться. А у нас и так работы по горло.

Я уже знал, что машина на ленинградском главпочтампте часто ломается, когда сортирует письма с необычными адресами, и сотрудникам приходится читать эти письма.

— Я теперь долго вести вас буду, и портить отношения со мной не стоит... — произносит он откуда-то из глубины своего второго подбородка.

«Не стоит» звучит как приказ. В голосе его явно слышен лязг запираемых ключей. Этот звук я хорошо знаю. Свидетель, подследственный, снова свидетель... Бесконечные следствия, следствия без причин.

— Вы понимаете, чем это пахнет? — Он шумно втягивает воздух, принюхиваясь к моему страху. — Или шушок запустим, что вы нам помогать согласились. И шушок далеко пойдет. — Еще одна выверенная пауза. — А вообще-то я помочь хочу. Вот скажите, вы из-за нескольких глупых антисоветских книжек всю жизнь себе собираетесь изуродовать? Неужели они стоят того? Послушайте, мы ведь с вами почти одного возраста. Ну, может, я лет на пять старше. Вы где учились? На матмехе? А я на юридическом. А до него три года в театральном. Но на актерскую зарплату прожить трудно, сами знаете... Вы, я знаю, в шахматы неплохо играете. Я тоже был в сборной театрального... — Он выпускает струю воздуха и улыбается, безуспешно пытаясь очеловечить свою огромную рыхлую морду. Похоже, оценки по актерскому мастерству в театральном у него были не слишком высокими. Я решаю, что взглядом с ним я встречаться не буду. — Думаю, мы с вами подружимся. Человек вы интересный. И я могу быть вам очень полезен... Ладно. — Он еще раз смотрит на стрелки невидимого спецприбора. — Зачеркну это предложение. — Он совсем по-дружески подмигивает. То ли мне, то ли самому себе. — Ничего не меняет. Подписывайте. Вот так...

Я тоже начинаю принюхиваться. Обоняние у меня очень острое и развито лучше, чем слух или зрение. *Две собаки перед тем, как вцепятся друг другу в глотки. Два хрипя-*

Григорий Марк

щих молчания. Секунды, набухшие страхом, стекают на ковер, становятся все тяжелее. Волкодав и дворняга... Я уже хорошо знаю, чем это пахнет... Какой-то навязчивой, удушливой гнилью. С примесью серы. Его лейтмотив. Волкодав чувствует, когда его боятся. Профессиональное чутье, натасканное годами усердной службы. Я свирепо фыркаю, чтобы выдуть из себя его запах, но он сразу же возвращается... Каждое утро, когда Ведущий открывает рот и произносит свой первый вопрос, отравляющий жирный дух — застоявшаяся сивушная вонь, идущая откуда-то из глубины его души, — снова набрасывается на меня. Я и курить-то начал, чтобы его заглушить. И дым всегда выпускал через ноздри, чтобы не вдыхать воздух, который выдыхает альбинос...

Он встает и подходит ко мне вплотную. Стоит неподвижно, сложив на груди сильные белые руки. Сейчас он кажется гораздо выше. *Вот-вот взлетит и нависнет надо мной.* Я наклоняю голову, обнажив свою незащищенную шею.

— Видите, сколько накопилось?

Ромбоносный капитан театральным жестом приподнимает мою увесистую папку с белыми шнурками, едва удерживающими антисоветские действия и порочащие слухи. *Спрессованная доля страданий моих и страхов в казенной юдоли Большого Дома.*

Он вдруг стал говорить очень тихо, и от этого стало еще страшнее:

— Тянет она года на четыре.

Он запикивает папку в специальное отделение стального сейфа. *Наверное, и теперь, когда я вспоминаю этот допрос, через четверть века после того, как ее туда запрятали, эти действия и слухи, надежно зафайленные в их суперкомпьютер, мирно там гниют.*

— Скоро всерьез придется вами заняться... Ну ладно, давайте пропуск, я подпишу... — Он поднимает свои тяжелые веки и, заслонив рот пухлым кулаком, изображает зевоту. Потом отходит назад. Рот немного отдаляется. Он бросает на меня презрительный взгляд, будто нехотя отдает команду «Вольно!» С лица его исчезает всякое выражение. — И не вздумайте уезжать из города... — резко выдохнув, произносит он. Еще один удушливый выхлоп бьет мне в лицо. — Мы вас, если надо, и в Америке найдем!

Я оглядываюсь назад. Альбинос-капитан сидит за своим массивным столом неподвижно между двумя горящими настольными лампами. Настороженные уши, оттопырившиеся после многих лет прослушивания записей телефонных разговоров, удовлетворенно подрагивают. День прошел не зря. Перелистывает дело, поднимает телефонную трубку и начинает говорить. Слова его становятся тише и наконец совсем исчезают. Кто-то выключил звук. Вслед за звуком медленно исчезает изображение.

Маленькая страшная фигурка в зеркале заднего вида машины, которая увозит меня из Большого Дома, превращается в белую точку. Точку отсчета.

Теперь я лежу, привязанный к каталке в дурдоме на Пячке. *Может, мне только что сделали укол галоперидола? Плавание, из которого редко кто возвращается... Уже безумие крылом...* Мое тело бесшумно вталкивают с головой в обитую деревянными панелями мягкую стену — струя холодного, светящегося воздуха проходит вдоль позвоночника — и сразу же вынимают с другой стороны. Я опять у себя дома в Майами, но пока не понимаю, зачем я здесь. (Нам вскоре придется понимать это за него.) Тяжелая войлочная тишина царапает глотку. Я прихожу в себя. Душа со свиса-

Григорий Марк

ющими из нее синими, цвета неба, нервами — *душа нараспашку* — с легким вздохом укладывается на свое место.

Река времени разделилась на два рукава. И я не знал, какое из этих двух времен нужно считать настоящим. Течение в них шло в противоположных направлениях. В одном я все так же несусь на скользком плоту, отчаянно пытаюсь сохранить равновесие, совсем рядом с мордовскими концлагерями. Гигантские белые птицы с маленькими головами и очень длинными шеями проносятся надо мной. По обрывистым берегам тянутся бесконечные заборы с колючей проволокой в три ряда и караульные вышки с прожекторами. За ними — смутные, прозрачные люди в ватниках и сапогах. И среди них — трое моих очень близких друзей... Гремящая музыка на танцплощадке в Саранске. «Шумит камыш, деревья гнутся». Отовсюду несется тяжелый гул. Гул советского времени... На поверхность потока из водоворотов, покрытых грязной пеной, выныривают бледные утопленники, безликие упыри-альбиносы. Мелькают позолоченные университетские ромбики на пиджаках. Я из последних сил отпихиваю их, но они всплывают опять и опять, пытаются ухватить, утащить за собой. От усталости ноет плечо. Веки слипаются. Перед глазами все чаще проносятся пустые черные кадры... Непонятно, как долго я плыву. Время здесь течет по иным законам...

Вязкий поток сам собой, точно лист Мебиуса, вывернулся наизнанку, — все внутри перемешалось, сбилось в клубок — и смотрю я на него уже с обратной стороны, со стороны Майами, из американского рукава, медленно и привычно струящегося между подводными камнями и скандалами моей семейной жизни... Покачиваются солнечные блики на воде. Я плыву на спине, прижав руки к телу и вытянув их венами вверх. И лишь сильная боль в плече не дает забыть, откуда

возвратился. Не дает забыть о том, что происходило всего несколько секунд назад, но в другом полушарии земли. Верчу головой, пытаюсь понять, в каком направлении течет сейчас мое время. Хотя и понимаю, что это не важно. На самом деле я живу одновременно в обоих местах.

Боль понемногу уползает вниз, через все тело в левую ягодицу и застревает там.

И тут сквозь давно уже не модные роговые очки я увидел устремленный на меня тяжело ограненный, неподвижный взгляд. Смотрел кто-то очень одинокий, задыхающийся, только что вынырнувший на поверхность. Седеющая щетина, как слой инея, покрывала впалые щеки. Это было мое безглазое отражение. Симпатии к себе оно не прибавило... Да, это, несомненно, был я — узнал себя, хотя хмурая физиономия с перекошенными очками, застывшая в текучем зеркале, и была совсем непохожа на ту, что хранилась в памяти... Ничего хорошего эта встреча не предвещала...

Долго изучал помятый слегка лик в очках, изучал узкогубый рот — хозяин его явно с трудом с ним справлялся — с двумя морщинами, начинавшимися у крыльев носа и уходившими в подбородок. Наполненные тьмой, они были будто глубокие скобки, отделяющие каждое мое слово от слов, произносимых другими. *Вот человек, говорящий отдельно.*

Мы с человеком, говорящим отдельно, не отрываясь смотрим друг на друга. Игра в гляделки. Я не выдерживаю первым: запустил в зеркальную глубину свою скользкую, неуверенную улыбку — не всю улыбку даже, а только ее маленькую часть — и отвернулся. В онемевшей гортани стало холодно и сухо, будто после анестезии. Разозлился, загасил окурок и отошел к открытому окну. Отражение недоуменно поглядело мне вслед.